

ТЕАТРАРИУМ

Ведущая
Марина РАЙКИНА

Сегодня Роман Карцев — это минус Витя, плюс Миша. Плюс Москва, минус Одесса. Плюс высокий гонорар, минус уверенность в завтрашнем дне. Минус замкнутость, плюс богатая внутренняя жизнь. Плюс понимание всего вышеперечисленного, минус растерянность, плюс ностальгия, плюс...

думает. Отец его бац по голове. Гриша плачет — а-а-а. Я ушел в магазин, где-то полтора часа ходил. Возвращаюсь: Гриша уже сидит на полу, папа возле него. "Ты съел два яблока, сколько у тебя осталось?" Я ушел. Он продолжал мучить его в подъезде. В конце концов я принес Грише яблоко. — В Одессе, даже если там свирепствовала холера, все воспринималось с юмором. — А если девушка уходит от парня, это тоже смешно в Одессе?

ОДИН В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ... ТАЛАНТА

— Роман, у вас богатая биография: обувная фабрика, фабрика швейных машинок. А почему вы сразу не пошли в артисты? — В Одессе было театральное училище на уровне института. Меня не приняли. Мне сказали: "Вы уже готовый артист. Испорченный". Так я поступал шесть раз. В пятый я почти поступил — в цирковое училище на эстрадное отделение в Москве. И вроде бы уже был зачислен. А потом выяснилось, что двоих человек надо было сократить. Отчислили меня и Каплана. Они нашли две фамилии — Каплана и мою — Кац (по паспорту и документам я Кац). И это было не только со мной. Моя сестра заканчивала институт культуры. Она не могла устроиться на работу. Ей говорили: "Евреев не берем".

— А когда вы взяли сценический псевдоним? — А сразу как к Райкину пришел. Райкин тоже все это понимал. Он говорил: "У тебя фамилия не сценическая — Кац — три буквы, не запомнят". У меня брат был Кац (он сейчас в Америке), фокусник. Он выступал как Карц. А я продлил — Карцев. Может, кто-нибудь и сделает себя Карценишвили.

— Из-за проблем "пятого пункта" анкеты вам не хотелось отъехать? — Сложный вопрос. Я лично уезжать не хочу. Я понимаю, что здесь надо работать: из наших никто там не пробился. Но дело в детях. Хорошо, что у меня жена русская и дети записаны на ее фамилию.

— Вы так решили — дать фамилию жены, потому что собака бита? — Во-первых, потому что бита. У нас так все евреи поступают, кто женат на русских. Во-вторых, антисемитизм — порождение не советской системы. Ведь и в России была черта оседлости. Вот такой народ евреи, такая судьба. Один грузин тост говорил: "Я хочу выпить за вашу нацию, которая дала миру Христа и Жванецкого".

Одессизм №1
(исполняется с одесскими темпераментами, мимикой и интонациями)

Одесса помешана на футболе. Она сходит с ума. Я могу рассказывать об этом часами. Я сидел как-то на футбольном матче. Там есть две трибуны, где сидят главные фанаты — 38 и 2. Я сидел на второй трибуне, а рядом пацан моложе меня (мне было тогда лет 16, а ему — 12). И вот он увидел на противоположной скамье стадиона своего друга, который ходил и искал себе место. Так он ему через весь стадион кричал: "Придунок, иди сюда, у меня есть место. Приду-рок!" Полматча он орал, его чуть не убили. А он свое: "Придунок, где ты, иди сюда, здесь есть место". Он посинел, он уже не мог кричать. Он не смотрел матч. Он только хотел своему товарищу дать место. Вот так в Одессе могут стоять и кричать "Коля" целый день. Стоять и кричать с разными интонациями "Ко-ля, выйди". Все дело в интонации.

— А лично вы всегда согласны с автором, которого читаете со сцены?

— Не согласен часто по поводу концовок. Я ему говорю: "Нет, финала". А он мне: "Иди отсюда". Я ему всегда уступаю. Он чуть постарше и на 90 процентов бывает прав.

— А согласны, например, с такой фразой: "У нас многое изменилось, хотя ничего не произошло"?

— Конечно, согласен, хотя у Миши есть другая замечательная фраза: "История России — борьба невежества с несправедливостью". Это лучше, чем "народ заслуживает правительств, которое он имеет". А ту фразу, о которой вы говорите, я переделал: "Хотя многое произошло, но ничего не изменилось". И если материально действительно стало лучше, то морально — хуже. Никто не знает, чем это кончится. И я не знаю.

— Если честно, если бы не было Жванецкого — были бы вы?

— Был бы. На уровне наших эстрадных артистов, может быть, чуть лучше. Автор определяет лицо любого артиста, театра.

— Жванецкий, который сам сейчас много читает, он конкурент вам?

— Он мне сказал: "О, ты мой конкурент". Полушута сказал. Для меня это смешно. Какой конкурент, когда такая страна у нас, сколько городов, работай — не хочу.

Одессизм №2
(исполняется как одессизм №1)

В Одессе детей насилюет едой. Худой ребенок, значит, больной. И вообще, к детям особое отношение. Я как-то пошел в магазин и вот вижу — у углу дома стоит папа и стоит ребенок. Худой и страшный. Папа зажал его в углу и говорит: "Гриша, у тебя три яблока. Ты съел одно. Сколько у тебя осталось?" Гриша стоит, мужественно

— Какой юмор — жуткие идут разборки, драки. Не девушек бьют, а соперников.

— Вы тоже так поступали?

— Из-за своей жены? Бывало. Одеситы очень вспыльчивы. Они медлительны: они могут какое-то время терпеть. И даже если девушку пригласили на танец, скажут: "Ладно". А если уж прижал или поцеловал руку, то... А потом ей попадает дома, конечно, потому что она была поводом драки.

— Говорят, у вас очень красивая жена. Это значит, что у вас была напряженная жизнь?

— Была напряженная, да. Это честно говорю. Жена не то что красивая, обаятельная. Есть шарм. Конечно, бывали случаи, когда я бесился (сейчас не так, как раньше). Чуть что, я сразу в драку лез. Камнем, кирпичом по голове — все, что под рукой. Ну я был маленький всегда, легкий, очень спортивный. И даже если я видел, что противник сильнее, я мог вжарить и убежать.

Одессизм №3
(чуть меньше темперамента, мимики и интонации)

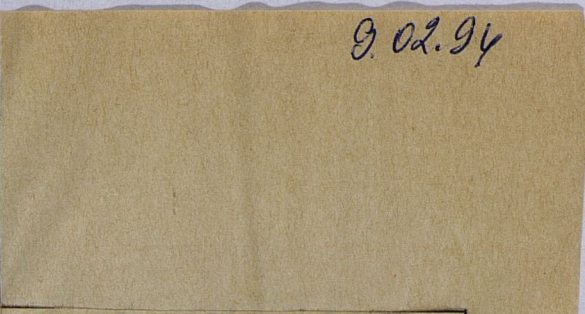
У нас в доме культуры была уборщица. Однажды после моего выступления она подошла и сказала: "Роман, вы очень хороший артист. Но вы слишком пересаливаете лицом". Вы поняли это? Так могут сказать только в Одессе. А другая работала в филармонии. Ей было 100 лет или около того. Она любила говорить: "Я умру на контроле". Она рвала трояки и пятерки, которые ей совали в руки вместо билетов.

— Знаете, Роман, мне кажется, что вы себя чувствуете чужаком в Москве?

— Нет. В Москве я привык. Мы в Москву переехали только ради работы. Потому что в Одессе не хватало публики. Там каждый спектакль шел 2-3 года. Два месяца мы играли в Одессе, два месяца — отпуск и восемь месяцев мотались по стране. Переехали, чтобы не мотаться.

Я и сейчас не москвич. Живу так же, как жил в Одессе. Я не спешу, не бегу на все концерты, не бегу на презентации, не хожу выступать в Елисеевский магазин, в ГУМ. Сейчас вот приглашали на мясосоюбинате выступить. Не хочу, я еще пока... Ничего страшного в этом нет (кто хочет — тот идет), но в принципе мне больше нравится, когда зрители приходят на спектакль, "нормально одемшились и посмотрелись в зеркало". Так что на мясосоюбинате пока еще не был. Но, может, к этому приду, потому что в этих местах прилично платят либо дают питание.

То же самое касается наших отношений с начальством. За всю нашу жизнь мы раза два

— Чтобы за шута не держал? — Да. И потом — они начинают предлагать выступать в бане, в предвыборной кампании, где, может быть, мне не хочется выступать. Но я, поскольку с ним дружу и он, в свою очередь, дал мне квартиру или машину, то я должен как-то ему отплатить. Это сейчас многие делают.

— А вы всегда были такой смелый? В банях не выступал, с начальством не ругался.

— В банях не играли, а в рестораны мы приглашали людей, кормили, поили, чтобы они нам помогали с квартирами. Вот у Мишки на этот счет есть миниатюра, где младший научный сотрудник пригласил большого человека в ресторан, чтобы тот подписал бумажку на пропуск его тещи. Витка блестяще играл. Он сам когда-то был крупным начальником.

Одессизм №4
(по темпераменту как все предыдущие одессизмы, вместе взятые)

В Одессе на пляж собираются очень долго. В субботу все смотрят на небо: "Ага, звезда". Начинают жарить, шкварить вечером. Готовят как на свадьбу: холодец, рыбу, синенькие, салат "оливье", селедку. Водку, пиво берут. На следующий день к двум часам дня, когда уже жара неимоверная или когда ливень дикий, они отправляются на пляж. Потом они приходят на пляж, раскладывают огромные простыни, тут же вынимают еду и начинают жутко храть. Они могут сидеть до восьми вечера и ни разу не искупаться. И вот маленький мальчик Гриша. Он еще не успел подойти к воде, ему уже кричат: "Выйди из воды, выйди из воды. Паразит, у тебя ноги синие. Я тебе перебью все ноги, если еще в воду войдешь, сиди здесь, загорай". Крик, плач: "Я хочу купаться". "Сядь, сиди, пойдешь по моей команде". Бац-бац. "Ну ладно, иди, чтоб ты сгорел". Идет купаться. "Выйди из воды, я что тебе сказал". Начинается дикий скандал. Потом они

собираются, идут домой. И Грише говорят: "Вот в следующее воскресенье пойдем на море, будешь купаться..."

— Витя блестяще разбирался в психологии начальства. На художествах (вот это я, моему, никому не говорил) все Мишины вещи читал именно он. Потому что Витя мог прочесть их так, что ни Миша, ни я, ни комиссия ничего не понимали. Читал он логично, нормально, но никто ничего не понимал. Примерно так говорил Горбачев: "Мы должны выйти на огромные размышления, мы должны определиться и выйти к другим огромным размышлениям. Когда это все есть, тогда это все оно и будет".

После таких чтений Мишка белый был как стена: "Как можно так прочесть мой текст!" Витя

тя говорил: "Ну ты видишь, все подписали". А после выступлений начальство хваталось за голову: "Как это могли пропустить?" А мы: "Вот видите — печать стоит".

Ни я, ни Миша — мы не умеем ладить с руководством. Потому что вот я что думаю, то в лоб и говорю. Поэтому в свое время ушел из театра Райкина.

— А что это была за история, когда Райкин вас выгнал?

— Я ушел из театра из-за чего? Мы с Витей репетировали одну сцену, мы там много всего придумали, и вдруг Райкин из зала говорит:

— Это не смешно. Мы снова повторяем.

— Это не смешно. Тогда я спрашиваю:

— Почему, Аркадий Исаакович, по-моему, это смешно.

— Ты понимаешь в юморе больше, чем я? Я сказал: "Да". И подписал заявление об уходе. Конечно, это была глупость. И все понятно. Но такой у меня характер. В отличие от Вити я сначала делаю, а потом думаю.

Только один раз Витя вспылел. Это была уникальная история. Это было в Киеве. Мы должны были в приказном порядке ЦК участвовать в концерте особой важности. Шесть юмористов, в том числе и мы с Витей, должны были выйти на сцену и играть интермедию. Когда мы ее прочитали, тут же сказали, что выступать не будем, потому что дорожим своим именем.

"Вот народные согласились, а вы тут, понимаете, строите из себя артистов", — сказали нам. И артисты, которые прежде разделяли наше мнение, не поддержали нас. И тогда Витя встал (он же с украинской фамилией, они же его за своего принимали), встал и сказал: "Идите вы все" и, как вы видите в "МК" иногда, сказал слово с черточкой. Пошел такой текст матом. Я раскрыл рот. Немая сцена. В общем, мы сбежали из Киева.

Как ни странно, мы с Витей были гораздо ближе, чем с Мишей.

— А что же тут странного?

— Ну, казалось бы, — вы два одессита, мы два еврея. Нет, мы по духу близки с Мишей. Мы просто одинаковые по характеру. Поэтому нам надо очень часто расставаться. Я Мишу очень люблю и стараюсь ему не попадаться на глаза.

— А кто из вас, одесситов, круче?

— Я. Я вспыльчивый, но Миша очень крепкий. Он качается. Он до сих пор так может схватить руку, что умрешь на месте. Я легкий. Больше занимался акробатикой, прыжками в

Фото Анатолия БЕЛЯСОВА

три выступали в правительственных концертах. Чисто принудительно. А так каждый раз отлынивали, потому что...

— А на дачи ездили, в банях выступали?

— На дачах — нет. В санаторий "Барвиха" один раз ездили. Нас привезли спецрейсом из Одессы. Я помню, мы играли миниатюру "Авас" в гробовой тишине.

Еще пару раз выступали где-то, но вообще в принципе у нас с Витей было кредо: мы держали на расстоянии наше начальство и никогда не ругались с ними. И сейчас так живем. То есть я могу быть знаком, скажем, с Лужковым, здороваться с ним, но чтобы дружить, играть в теннис... — А что такое, Лужков — плохой мужик? На балалаике играет.

— Хороший, но дружить с ним не хочу.

воду, бегом, футболом. Тут я ему дам форы. Здесь он слабак. А вот физически Миша очень крепкий. Тьфу-тьфу.

— Роман, а почему вы о Вите говорите в настоящем времени на протяжении всей нашей беседы?

— Потому что он есть для меня. Мне тяжело сейчас не физически, не материально. Только морально. Только не хватает Вити, его ума, его таланта. Спектакль "Моя Одесса" я сделал один, но Витя там присутствует.

Знаете, мне сейчас звонят актеры, очень приличные, и предлагают работать вместе. Я отказываюсь и буду отказываться. Потому что есть две причины. Во-первых, это отсутствие репертуара. Миша не пишет уже сцены. Только иногда. А во-вторых, это самая главная причина — память Вити. Я однолюб. Влюбился в Жванецкого, влюбился в Витю, влюбился в свою жену. Мы почти никогда с ним не ссорились. Только один раз, из-за женщины. В молодости мы с ним влюбились в одну женщину, и в один вечер чуть ли не до драки дело дошло. Мы с ним неделю не разговаривали. И это был единственный случай за 30 лет.

Сегодня в лодке он один. Он сосредоточен на себе ("у него богатая внутренняя жизнь", по Жванецкому) и упрямо налегает на весла. Он пытается плыть вперед, постоянно оглядываясь на лазурный берег, по которому идут три беспечных молодых одессита — Миша, Витя и Рома.